

Отец Роуз

Доктор Роб Салер (видеопрезентация)

Мне очень приятно присоединиться к вам виртуально на этой важной конференции. Сегодня я хочу сосредоточить свои комментарии на некоторых философских и культурных рассуждениях о том, почему отец Серафим оказал такое влияние на многих из нас в США (включая меня), которые нашли свой путь в Православие, и особенно я хочу думать об отце Серафиме как о исследователе культурного нигилизма. Я вижу в этом ключевой аспект его привлекательности и, во многих отношениях, его святости. Заранее скажу, что в последнее время я проделал изрядную научную работу по теме «Смерть для мира» (верю, что отец Иоанн Валадес с нами), так что я позволю себе использовать это движение в качестве примера везде.

В то время как отец Серафим почитается американскими и русскими православными особенно за его личную святость и его настойчивость в отношении «потустороннего» характера православной веры, многие из его самых известных произведений показывают, что его взгляд однозначно устремлен на его собственную культурную среду. Я не хотел бы умалить его прекрасные духовные сочинения и работу над такими деятелями, как Августин, но дело в том, что особенно среди жителей Северной Америки, большая часть его влияния как писателя исходит из книг (таких как «Нигилизм», и «Православие и Религия будущего») которые сосредоточены на опасностях современности. Его тело и сердце находились в его монашеской келье и на литургии, в то время когда его разум разглядывал мир снаружи.

В этих произведениях отец Серафим строит повествование о упадке западной цивилизации как о постепенном сползании сначала к моральному релятивизму, затем к нигилизму и в заключение (по его мнению) к грядущей тоталитарной эпохе зарождающегося Нового мирового порядка (которая является светской подготовкой и инструментом к приходу духовного Антихриста). Исторический метод отца Серафима характеризуется стремлением сплести диагнозы человеческого прельщения (духовного

зablуждения), заговора, миллениалистских амбиций и духовной войны в знаковые события того, что он считает отступничеством Запада, проистекающим из раскола Востока и Запада, Ренессанса, Просвещения, т. д. Рассказав эту историю, он сосредотачивает аналогичную смесь обвинений на том, что он считает пагубными течениями духовности и культуры в его время, включая растущую популярность «восточных» религий на Западе, «харизматическое возрождение» христианства в церквях, принятие церковью теорий эволюции и зарождающихся трансгуманистических течений. Что важно понять об этом каталоге болезней, с точки зрения Серафима заключается в том, что она телеологична и действительно безжалостно апокалиптична: каждое течение предполагаемого самосовершенствования человечества или «нового» духовного жеста — это еще один шаг к грядущему царствованию Антихриста, посеянного нигилистическими, постчеловеческими теологиями.

Если цитировать непосредственно отца Серафима:

„Я повторю то, что сказал во вступительной лекции, что мы делаем это не только для того, чтобы иметь представление о том, что истинно, а что ложно, и отбросить все ложное и сохранить все истинное, потому что все, о чем я буду говорить будет ложно. Но нам крайне важно понять, почему оно ложно и как оно ушло от истины. Если мы это поймем, у нас будет некоторое представление о том, что происходит сегодня в мире, и с какой интеллектуальной структурой мы должны бороться. Хотя, говоря, что все, о чем я буду говорить, ложно, я имею в виду, что это ложно с чисто православной точки зрения. Там целое, конечно, относительно по сравнению с тем, что происходит в мире сегодня. Все эти движения, о которых мы говорим — от Фомы Аквинского до средневекового искусства, европейского искусства эпохи Возрождения и так далее — все они гораздо более ценны, чем все, что происходит сегодня в мире. Тем не менее, есть целое мировоззрение, породившее эти вещи, и мы видим, как оно отходило от Православия. История Запада от римского раскола представляет собой логическое и связанное целое, и

взгляды, которыми руководствуется сегодня человечество, являются прямым результатом взглядов, которых придерживались в тринадцатом веке. И теперь, когда западная философия господствует во всем мире, нет другой философии, кроме православной христианской философии, которая имела бы какую-либо силу, потому что все цивилизации были захвачены Западом, и это означает, что то, что произошло на Западе в эти последние девятьсот лет — это ключ к пониманию того, что сегодня происходит во всем мире».

Для отца Серафима, история движется в одном направлении, и это направление – к искуплению через катаклизм. Как православные христиане, мы можем быть внимательны к тому факту, что этот катаклизм в конечном счете эсхатологический и апокалиптический, а потому не безнадежный; Христос царствует в этом мире и в мире грядущем. Но сила анализа Роуза заключается в том, что он направляет энергию этой надежды на то, чем православные христиане должны заниматься здесь и сейчас.

Призывы отца Серафима к нигилизму с сопутствующими ему апокалиптическими теологиями об антихристе отнюдь не поверхностны и небрежны: действительно, ведение хроники, генеалогии, траекторий и предполагаемого телоса нигилизма на Западе было отличительной чертой его интеллектуальной работы еще до того, как он стал монахом. Принятие отцом Серафимом - не по годам развитым приверженцем богемы района Залива и в частности, освоения этой сцены дзен-буддизма (тогда относительно нового и экзотического прихода на Запад) через своего учителя Алана Уоттса - православия было, как и у многих новообращенных, таких как основатель «Смерти для мира» Джастин Марлер, одновременно устремленным в будущее и ретроспективным. В то время как в своем монашеском (и, в конечном итоге, священническом) призвании и жизни он глубоко погружался в огромный мир восточно-православной духовности (с большим количеством святых, писаний, литургий, аскетических традиций и церковных особенностей, чем кто-либо может надеяться постичь, а тем более освоить, при жизни), большая часть его монашеских писаний до его смерти в 1982 году была сосредоточена на том, что он считал

нигилистическим и следовательно, в более широком смысле демоническим, ядром культурной/субкультурной среды, которую он оставил позади.

Говоря об Уоттсе, мы должны также отметить, что опыт молодого Юджина Роуза с крайним упадком и отсутствием философской серьезности у Уоттса предопределили более позднему отцу Серафиму особенно помнить об опасностях почитания «гуру». Мы можем ценить это, даже если мы, как православные, заботимся о том, чтобы наше благочестие по отношению к таким святым личностям, как отец Серафим принимает надлежащий литургический характер почитания святых, а не возвышения признанных гуру! Это опасность, которая сопутствует популярности, особенно в эпоху Интернета, и по моему непрофессиональному мнению, в ближайшие несколько лет, десятилетий и столетий, церкви потребуются непрекращающаяся мудрость, чтобы сохранить это различие, если процесс канонизации Серафима продолжится.

Метод отца Серафима при анализе того, что он считал нигилизмом, лежащим в основе большей части западной культуры, философии, религии и политики, был последовательно генеалогическим и историческим; в своей основной работе на эту тему (написанной незадолго до основания монастыря) «Нигилизм, корень революции Нового времени» он прослеживает хронологическое развитие явно нигилистической философии путем ее усиления через классический либерализм, затем рационализм, витализм и наконец, деструктивные импульсы, которые он видел действующими как в зарождающемся постмодернизме, так и в тоталитаризме. Во всех трудах отца Серафима, как и в случае с такими движениями, как «Смерть для мира», три пути нигилизма (как философии), тоталитаризм, как он изложен, в частности, в ленинско-сталинском марксизме (как политике), и апокалиптические порывы господства Антихриста (как богословие) переплетаются и усиливают друг друга. Начав работу по основанию и надзору над церковью св. Германа, он продолжил и расширил этот трехсторонний исторический анализ в таких работах, как «Православие и религия будущего» (1975), в которых этот анализ применялся, в частности, к так называемым религиозным движениям «Нью Эйдж», а также «экуменизм», и более того, в широком обзоре западной интеллектуальной истории после раскола в его очень влиятельном «Православном курсе

выживания» (вариации которого все еще преподаются современными мыслителями, такими как отец Питер Хирс).

Неудивительно, но в какой-то степени и манере достойно комментария центральное место Фридриха Ницше как для работ отца Серафима о нигилизме, также и «Смерти для Мира» и других современных православных просветительских движений. В частности, известный образ Ницше в «Веселой науке» так называемого «сумасшедшего на рыночной площади» вызывает ассоциации как с богословским фоном позиции отца Серафима (в ченнелинге Достоевского), о том что «если нет Бога, то все дозволено», и к особым оттенкам бунта, которые позднее «Смерть для Мира» усилит, не в последнюю очередь ранним и частым цитированием отрывка:

“ Разве вы не слышали о сумасшедшем, который в ясный утренний час зажег фонарь, побежал на базарную площадь и начал беспрестанно кричать: "Я ищу Бога! Я ищу Бога!" Так как вокруг стояло много людей кто не верил в бога, он вызвал много смеха. «Он потерялся?» —спросил один. Он сбился с пути, как ребенок? — спросил другой. Или он прячется? Он боится нас? Он отправился в путешествие? эмигрировал? - Так они кричали и смеялись.

Сумасшедший прыгнул на середину и пронзил их своим взглядом. "Где Бог?" воскликнул он; "Я скажу вам. Мы убили его --- вы и я. Все мы его убийцы. Но как мы это сделали? Как мы могли выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть весь горизонт? Что мы делали, когда освобождали эту землю от ее солнца? Куда она движется теперь? Куда мы движемся? Прочь от всех солнц? Разве мы не ныряем постоянно? Назад, вбок, вперед, во всех направлениях? есть ли еще вообще вверх и вниз?.. Бог мертв, Бог остается мертвым. Мы убили его.

«Чем утешимся мы, убийцы всех убийц? То, что было самого святого и могущественного из всего, что было в мире, истекло кровью под нашими ножами: кто сотрет с нас эту кровь? Какие праздники искупления, какие священные игры должны мы изобрести? Не слишком ли велико для нас величие

этого деяния? Не должны ли мы сами стать богами только для того, чтобы казаться достойными этого? Никогда не было более великого деяния; кто родится после нас --- ради этого поступка будет принадлежать к более высокой истории, чем вся история до сих пор".

Тут сумасшедший замолчал и снова посмотрел на своих слушателей; и они тоже молчали и смотрели на него с удивлением. Наконец он бросил свой фонарь на землю, и он разлетелся на куски и погас. "Я пришел слишком рано," сказал он тогда; «Мое время еще не пришло. Это грандиозное событие все еще в пути, все еще блуждает; оно еще не достигло ушей людей. Молния и гром требуют времени, свет звезд требует времени; время быть увиденным и услышанным. Это свершение еще дальше от них, чем самые далекие звезды --- и все же они совершили это сами.¹»

Как указывают ряд ученых², богословский конфликт, описанный в притче Ницше, происходит не впервые и в первую очередь не между христианскими/теистическими верующими и атеистами; скорее, конфликт возникает между, с одной стороны, теми, кого Ницше считал утонченными, буржуазными неверующими своей эпохи, которые цепляются за анемичные пережитки либерального общества и его ценности даже после того, как метафизические истины, которые якобы вдохновляли и поддерживали их, были устранены, и, с другой стороны, пророком, который понимает, что это устранение, эта «смерть Бога» сделала все эти нравы пустыми и несостоятельными. Бунт против Бога — это в конечном счете духовная смерть, но возможно, еще более пагубным в наше время является медленное, трагическое затухание, медленное и ужасное трупное окоченение, безразличного секуляризма, рассеянности и иллюзий прогресса в современности.

Главное, что я хочу предположить, предвосхищая девиз движения Смерть для Мира, для отца Серафима, на кону у Ницше стоит природа истинного бунта. Отец Серафим

¹ Friedrich Nietzsche, *The Gay Science*, trans. Walter Kaufmann (New York: Vintage, 1974), 181-2.

² См. Например Merold Westphal, *Suspicion and Faith: The Religious Uses of Modern Atheism* (New York: Fordham University Press, 1993).

смог и неохотно признал превосходство страстного философского атеизма Ницше над культурным буржуазным неверием (или даже номинальной «верой, которая не несет ни страсти, ни приверженности»). Отец Серафим провел большую часть своей юности в таком же напряженном атеистическом состоянии. Как и в случае с Ницше, даже бунты молодого Юджина Роуза против религии преследовали Бога. Для отца Серафима и для многих движений, которые он вдохновил, если уж выбирать между страстью Ницше и тепловатостью буржуазной веры (или неверия), то отец Серафим больше переключается с Ницше, хотя и видит в нем ключевую фигуру философского и культурного нигилизма, ведущего к катастрофе. Другими словами, хотя Ницше и является в некотором роде пророком нигилизма для отца Серафима, он начал диагностировать нечто, может быть, еще более трагическое в наши дни: не богобоязненный мятеж, а рассеянную, ленивую, секуляристскую апатию, предвещающую совсем иной крах - тот, который не видит сгущающихся сил тьмы, которые гораздо менее отвлекаются чем многие из нас, когда дело доходит до духовной борьбы.

Это, я думаю есть один из ключевых аспектов обращения отца Серафима к искателям истины здесь и сейчас: никаких компромиссов. Радикальный нигилизм или радикальная вера — две единственно достойные (и, в конечном счете, жизнеспособные) альтернативы. И в своей философии, и в своей личности отец Серафим дает образец беспокойного, мятежного искателя, который находит в Православии единственную безопасную гавань против нигилизма.